

род. падежа и местоименно-притяжательного (релятивного) аффикса. Нельзя прибегать к постоянному «примысливанию» «недостающих», «отпавших» и т. п. элементов словосочетаний (например, когда речь идет об «отпадении» местоименно-притяжательного аффикса 3-го лица при наличии тех же аффиксов 1-го и 2-го лица или в случае с «одноставным» изафетом и т. д.), если к тому нет убедительных данных. Без учета как лексико-семантических свойств имен, так и функций местоименно-притяжательных аффиксов нельзя уяснить внутреннюю связь типов изафетных словосочетаний, например: *taş köprü* «каменный мост» и *taş kömürü* «каменный уголь»; *şiş igne* «вязальная спица» и *şiş kebabı* «шашлык»; *dağ eteği* «подножья (буквально: подол) горы» и *dağ topçusu* «горная артиллерия»; *Barak efsanesi* «миф (относительно) Барака (длинношестертой собаки)» и *it başlı ulus efsanesi* «миф (относительно) собакоголового племени» и т. д. Здесь важно установить рамки возможной «относительности» имен. Но все это, видимо, проблемы сравнительно-исторического исследования изафетных словосочетаний.

Редактор снабдил книгу примечаниями, в которых кратко изложены возражения против ряда положений С. С. Майзея. Примечания эти сами по себе представляют большой интерес, но изложены они несколько безапелляционно, что вряд ли можно считать оправданным, поскольку еще очень многое остается неясным в вопросах, затрагиваемых в рецензируемой книге.

А. К. Боровко

Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках.— Тбилиси, 1956. 154 стр. (Ин-т языковедения АН Груз. ССР).

П. К. Услар совершенно правильно считал, что в структуре исследованных им северо-восточных горских языков важное место занимает система так называемых классов (грамматических родов). Поэтому свои грамматичи он начинает с описания классов. Классы отмечались и в абхазском языке. Но о классах в языках Закавказья лингвистика до недавнего времени не знала. Заслуга открытия классов в картвельских языках принадлежит акад. А. С. Чикобава. Ему удалось вскрыть в древнейшей структуре именных основ этих языков наличие морфологической категории человека и вещи, а также древнейшие окаменелые детерминативные суффиксы¹.

Во «Введении» к рецензируемой книге (стр. VIII) Г. В. Рогава говорит: «Данная работа является продолжением исследования именных (и глагольных) основ в адыгских языках. Дается анализ материала адыгских языков такого рода в сравнительно-историческом аспекте. Факты адыгских языков сравниваются с данными как близко родственных абхазского и убыхского языков, так и более отдаленно родственных других иберийско-кавказских языков».

Историческое изучение рассматриваемой древнейшей категории показывает, что с нею генетически связаны такие морфологические категории, как категория падежа, числа, лица, возникшие в иберийско-кавказских языках на последующих этапах их развития. Поскольку для всех иберийско-кавказских языков можно установить материальное единство показателей грамматической категории человека и вещи (экспонент класса человека — префикс *v-*, а класса вещей — *-d-*, *-b-*, *-r-* и т. д. в большей части этих языков), позволительно сделать вывод, говорят Г. В. Рогава, что эта категория восходит к языку-основе иберийско-кавказской семьи, другие же морфологические категории возникли в процессе дальнейшего развития уже отдельных групп этих языков. Наличие же и даже в отдаленно родственных языках в отдельных случаях общего материала для выражения категорий, например, лица, числа, падежа (и при словообразовании), возникших после дифференциации языка-основы, автор находит возможным объяснить тем, что исходный морфологический инвентарь этого языка был использован и для названных выше морфологических категорий (стр. IX). Но это лишь предположение, а не объяснение, и мы можем принять его только как рабочую гипотезу.

В соответствии с указанными установочными положениями, Г. В. Рогава изложила добытых ею исследованием результатов делит на две большие главы: I. «Экспоненты грамматических категорий человека и вещи в адыгских языках» и II. «Детерминативные суффиксы в адыгских языках». К книге приложены: 1) указатель слов, ос-

¹ См. А р н. Ч и к о б а в а, Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь, Тбилиси, 1938; е о ж е, Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси, 1942 на груз. языке; резюме на русск. языке. См. стр. 272—280). Этимология классных показателей дана также А. С. Чикобава в статье «Грамматические классы в истории картвельских языков и этимология классных показателей» («Сообщения АН Груз. ССР», т. V, № 4, 1944, стр. 453—454, на груз. языке).

нов и корней, 2) список сокращений и 3) список литературы на русском и зарубежных языках.

Необходимо предупредить читателя рецензируемой книги, что старые классные показатели (особенно в существительных) скрыты в окаменевшей форме. Естественно, что в книгах подобного типа — небольших по листажу, но очень богатых фактическим материалом, подаваемым чрезвычайно сжато, — автору не уйти от некоторых экскурсов, посвященных попутно возникающим вопросам, неразрывно связанным с особенностями материала или вызывающим разногласия между учеными. Так, этимологический анализ приведенных выше классных показателей влечет за собой ряд важных выводов: во-первых, деление на два класса осложнилось с течением времени подразделением класса человека на класс мужчины и класс женщины, так что получилось три класса¹; ср. аварск. *в-уго* (муж. р.) «я, ты, он есть» — I класс; *й-уго* (жен. р.) — II класс, выделившийся из III класса; *б-уго* — III класс (вещь). Этот класс П. К. Услар неправильно считал средним родом, полагая, что он совпадает с индоевропейским вещным, тем более что женщина незамужняя, лишенная свободы, уподоблялась вещи с префиксом *б-²*, как и животные. Во-вторых, важным в специфике иберийско-кавказских языков моментом является связь классных показателей с местоимениями и глаголами (например, ∂/m генетически связано с корнем личного местоимения 1-го лица мн. числа кабард. *да*, адыг. *тэ* «мы» как аффикс 1-го лица мн. числа глагола *-ды/тты*; ср. также корень местоимения 3-го лица мн. числа *d-ara*).

В иберийско-кавказских языках исторически было три спряжения: 1) классное (в аварском, андийском и других языках); 2) классно-личное (в абхазском, кистинском и других) и 3) личное (в адгских и картвельских языках). Эти три типа спряжения, отмечает автор (стр. 38), в иберийско-кавказских языках представляют собой три ступени развития спряжения глаголов в этих языках³. Большой интерес представляют критические замечания автора и других исследователей, цитируемых им (А. Н. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа, А. С. Чикобава, В. Т. Топурия), на взгляды проф. Н. Ф. Яковлева, Д. А. Апхамафа и Г. Ф. Турчанинова; например, об аффиксе кабардинского языка *уэ-* (стр. 58—60); ср. также рассмотренные вопросы: о грамматических классах мужчин и женщин (стр. 60—62), о терминах родства (стр. 62—67), об отношениях основах в связи с критикой мнения Н. Ф. Яковлева (стр. 116—129), об окаменевших суффиксах и т. д.

В заключение нужно подчеркнуть, что автор удачно справился с поставленной нелегкой задачей: его книга написана в строго научном стиле, свободна от постановки недоказуемых гипотез; Г. В. Рогава, принадлежащий к школе А. С. Чикобава, всегда оперирует только языковыми фактами, хорошо подобранными и убеждающими читателя ясной и четкой аргументацией. Рассматриваемая монография — прекрасный образец правильной методики и методологии в сравнительно-историческом плане.

М. Я. Немировский

А. А. Цагарели. Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков. Под ред. [и с предисл.] А. Шанидзе. 2-е изд. — Тбилиси, 1957. 34 стр. («Труды Тбилисс. гос. ун-та им. Сталина», т. 67. Приложение).

Издательство Тбилисского государственного университета им. И. В. Сталина переиздало «Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков» профессора Петербургского университета А. А. Цагарели, существовавший на положении библиографической редкости, в последнее время почти недоступной специалистам (тираж литографированного издания 1872 г. составлял 47 экземпляров).

¹ См. Арн. Чикобава, К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках, «Сообщения АН Груз. ССР», т. III, № 4, 1942, стр. 379 (резюме на русск. языке).

² В. Т. Топурия, Грамматические классы и их экспоненты в лакском языке, «Известия Ин-та языка, истории и матер. культуры [АН Груз. ССР]», XII, Тбилиси, 1942, стр. 172 (на груз. языке; резюме на русск. языке).

³ См. Г. В. Рогава, К вопросу о переходе классного спряжения в личное спряжение в иберийско-кавказских языках, «Сообщения АН Груз. ССР», т. XIV, № 7, 1953; А. С. Чикобава, Категория грамматических классов и некоторые вопросы спряжения глаголов в грузинском языке, сб. «Иберийско-кавказское языкознание», V, Тбилиси, 1953, стр. 62 (на груз. языке; резюме на русском языке); В. Т. Топурия, Глаголы с префиксальным *d-* в грузинском языке, «Труды Тбил. ун-та», XXV, 1943, стр. 148 (на груз. языке).